

ДА ИЛИ НЕТ?

Только так задаем мы сегодня вопрос. Да или нет? Быть сегодня паровому опробованию или не быть. Скажем заранее, что испытание котла на паровую плотность назначалось уже не менее трех раз. И в марте, и в апреле, и в мае. Однако все сроки были сорваны.

Поэтому сегодня в один из самых трудных моментов пуска первого блока мы задаем всем только один вопрос: Да или Нет? Принимаем только прямой ответ.

Г. БАНИН (ОГРЭС)

Паровая плотность будет. В ночь на пятнадцатое будем топить. В этом у меня есть полная уверенность.

Сейчас держат монтажники. ЦЭМ проводит ревизию предохранительных клапанов, ведет монтаж опор под клапаны. Спросите, как у них дела.

Ю. МЕДВЕДЕВ (ЦЭМ)

Нет ни одного пункта, который бы помешал растопке котла. Паровая плотность будет. Цамовцы не подведут.

И. ЗУБОВ (котельный цех)

По котлу готовность полная. Паропроводы будут готовы сегодня. Насосы орошения скрубберов в полном порядке. Двадцатифазный растопочный коллектор уже ждет, когда мы начнем. Подвести может СЭМ. Спросите у них насчет кабеля к электроприводам пожаротушения.

А. РАЗБОРОВ (СЭМ)

Самовцы стоят на твердой позиции: «Топить и никаких гвоздей. Мы готовы».

И. КРАВЧЕНКО (директор станции)

Признаться, у меня были большие сомнения по поводу парового опробования. Последние дни убедили меня, что оно будет. Сегодня мы увидим дым из трубы.

Тов. КАРПОВ (пожарник)

Я лично не стал бы начинать растопку. Но меня настолько поражает уверенность товарищей в том, что все, и в том числе пожарная безопасность, будут обеспечены, что я тоже поднимаю руку «за». Паровое так паровое!

ОТ РЕДАКЦИИ

Итак, все сказали «да». От этого краткого слова веет хорошим предзнаменованием. Хорошо, если бы так продолжалось до самого комплексного опробования. Только «да» и никаких «может быть».

Кузбасс

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ОБКОМА КПСС

Совместный выпуск выездной редакции газеты «Кузбасс» и многотиражной газеты «Луч Ильича»

Пятница, 15 мая 1964 года № 22 (393)

ВО ВТОРНИК на заседании объединенного построкома обсуждались новые кандидатуры претендентов на почетное право зажечь факел.

За успехи в труде, самоотверженность и энтузиазм на Доску рабочей славы заносятся следующие коллективы:

НАШИ

кандидаты

1. Бригада бетонщиков И. И. Соколова (СУ № 3).
2. Бригада трубоукладчиков П. Проухи (СУ № 6).
3. Экипаж экскаватора Н. Краева (СЭСМ).
4. Бригада монтажников М. Волченкова (ЦЭМ).

НА СНИМKE: «рыкальницы» на блочном щите в решительные минуты перед растопкой котла. Фото В. Ларина.

Бригада Василия Волоховича закончила отделку верха машинного зала и перешла на отделку дымоходного отделения.

Много труда положили монтажники из бригад Федора Елфимова и Антона Берзина на монтаже химводоочистки. Сейчас эти бригады закончили здесь все монтажные работы по первой очереди и перешли на монтаж второй очереди электростанции.

Все шире разворачиваются работы на втором турбогенераторе.

Монтажники из бригады А. Новикова и В. Попова закончили подгонку постоянных прокладок под передним и средним подшипниками и начали проверку боя полумуфт. После их проверки монтажники начнут вынимать роторы и выверять проточную часть.

Еще совсем недавно на втором котле работала только одна бригада. Сейчас здесь трудятся уже три. Монтажники бригады А. Волкова в основном закончили установку воздухоподогревателей на первом корпусе второго котла и приступили к монтажу воздухоподогревателей второго корпуса.

Бригада Николая Рухлина начала сборку поверхности нагрева холодной воронки первого корпуса второго котла. Сейчас ведется зачистка стыков и рихтовка.

100 000 МЕТРОВ ЗА СПИНОЙ

О тех, кто ближе к факелу

ИЧТО так не волнует и не радует человека, как возможность видеть плоды своего труда. Каменщик с гордостью проходит мимо нового здания, выстроенного его руками, монтажник вспоминает о турбинах, собранных им. Ничто не пропадает на земле. Все, к чему человек приложил руки, остается светлой памятью о нем, за которую постоянно благодарят его другие.

И не беда, что этим ребятам порой нельзя похвастаться творением своих рук. Глубоко в земле остаются трубы, уложенные ими. Но ничто не исчезает бесследно и поэтому совсем не удивительно, что недавно мы узнали радостную весть — бригада трубоукладчиков шестого участка, которой руководит Петр Антонович Проуха, занесена на Доску рабочей славы.

С первых дней строительства электростанции трудится здесь бригадир. Демобилизовавшись из армии, он приехал в 1956 году на Беловскую ГРЭС. Первое время работал рядовым трубоукладчиком, а теперь уже пять лет руководит бригадой.

Когда просишь Петра Антоновича перечислить все те объекты, на которых ему пришлось работать, он разводит руками и отвечает просто:

— Не считал.

Потом, задумавшись, начинает вспоминать самые интересные.

— Теплотрассу до поселка Вели. До вагоноопрокидывателя тоже. Потом до депо. Трассу ГЗУ собирали.

— Сколько же вы за свою жизнь уложили труб?

— Много, — смеется бригадир.

— Километров сто наберется?

— Наберется, а то и больше.

Потом он рассказывает о том, как в ненастные осенние дни прокладывал он с ребятами бетонную дорогу на главном корпусе. Многие считали, что это совершенно безнадежное дело. В таких условиях, в сплошной грязи? Укладывать бетонные плиты? Абсурд!

Но ребята доказали, что им по плечу любые трудности. Шаг за шагом продвигались они вперед, выгребая лопатами упрямый грунт. Сыпали щебень, клали бетонные плиты. Они шли первыми. И теперь по их следам каждый день идут машины и люди.

Сейчас бригада работает на укладке труб для ливневой канализации. На «дивневке», как говорят на стройке. Автокран легко поднимает серые трубы и опускает их в глубокий котлован. Здесь их ждут трубоукладчики. Бригада молча показывает пальцами крановщику, куда опускать груз. Когда труба опускается на

грунт, Коля Гончаренко ставит на нее небольшой деревянный крестик. Это визирка, с помощью которой ребята подгоняют ее ко всей трассе.

Бригадир издали так же молча машет кистью руки. И послушная его движениям 800-килограммовая труба, направляемая ребятами, ложится на место.

Все здесь делается не спеша, спокойно и как-то безмолвно. Впрочем, привычная работа не требует лишних слов. Ребята настолько, как говорится, «спелись», что прекрасно понимают друг друга.

С каждым часом растет нитка новой трассы. Потом трубоукладчики задышат стыки раствором, и экскаваторы засыпят котлован землей. Она навеки укроет трубы. А ребята уйдут на другое место. И снова шаг за шагом будут двигаться вперед, оставляя за собой все новые и новые километры.

Когда в зимнюю стужу в вашей комнате тепло и хорошо вам сидится у горячей батареи, вспомните добрым словом тех, кто принес вам это тепло. Тех, кто упорно шел вперед глубоко под землей. Вспомните ребят из бригады Петра Антоновича Проухи.

М. САФОНОВ.

Еще мгновение — и новая труба ляжет на свое законное место. Крепкие руки Петра Проухи, Николая Гончаренко и Анатолия Старшинина уложат ее в грунт.

Фото М. КОЧНЕВА.

Л. ЛЕРНЕР

ОЧЕРК

НА СНИМКЕ: Анатолий
МАКСИМОВ.

Фото М. КОЧНЕВА.

РОДИЛСЯ НА БРЕГАХ НЕВЫ

Лестница

Ж

Сибирские
ребята

ИЗНЬ, словно крутая лестница. Можно быстро бежать по ней, но обязательно остановишься, переведешь дыхание, вспомнишь о чем-нибудь, развернешься плечами. И снова бежим, отталкиваясь руками от перил. Мелькают ступени, колотится сердце. Только не забывай, гляди вперед, сколько еще этажей...

Я люблю бегать по лестницам. Помню, как в детстве мы играли в жмурки. Прямо в парадном. Больно сбивали колени на ступенях. Поднимались и снова шагали во мрак, в головокружение лестницы. И где-то именно на поворотах ловили притаившегося партнера, крепко держали добычу.

На поворотах мы впервые давали себе отчет, куда и зачем идем, давали себе время подумать, осознать себя.

Я часто вспоминаю об этом, когда стою внизу, в машинном зале, и наблюдаю, как по узким, почти вертикальным лестницам носятся монтажники и изолировщики. Вниз-вверх, взад-вперед. На этих лестницах многое происходит. И не зря задерживается монтажник на повороте — здесь встречаются глаза в глаза и порой на всю жизнь.

Этого парня в каске монтажника в больших резиновых сапогах я заметил издали. Он сначала спускался, потом остановился и долго смотрел в лестничный проем. Кажется, я понял, что его звали. Внизу, в котельном зале, маленькая девушка в шапочке «разыгрывала» пантомиму. По ее едва уловимым движениям высокие сильные мужчины уходили направо и налево, хватаясь за трос, принимали грузы...

Я поднялся по лестницам на тридцать первую отметку и незаметно встал рядом с парнем. Теперь мы оба смотрели вниз. Он заметил меня, обернулся и восхищенно сказал:

— Здорово!

— Здорово, — подтвердил я, и мы снова свесили головы.

Девушка махала рукой, и к ней, как загниготизированный, медленно приближался гигантский крюк с грузом. «Ближе, ближе», — манили руки.

Немного позже, когда мы окончательно разговорились с монтажником, я узнал, что лет пять назад именно такое зрелище и решило его судьбу. С тех пор он не расстается с каской и поясом.

А вначале парень попросту протянул мне руку и сказал:

— Толя Максимов...

И для пущей важности добавил так, чтобы все окончательно стало на свои места:

— Родился на берегах Невы.

Кладбище шоферов

П

АРЬ от пылавших домов и от непереставно лопавшихся во дворах фугасок «сбела» пургу. Холодный ветер разносил по городу черные хлопья снега, мокрая копать оседала на уцелевших домах, на лицах прохо-

жих. «Голос» фугасок заглушал вой ветра. На улицах не было ни души.

Люди лежали в домах, забыв, что такое тревога, в бомбоубежищах было пусто. Спускаться вниз по тревоге уже не хватало сил. Блокада Ленинграда затянулась.

Толя Максимов сидел на подоконнике и испуганно смотрел в ту сторону, где лежала мать. Она уже давно не вставала. Однажды пришла с завода, легла в постель и больше не поднялась.

Приходил отец. Все больше молчал. Доставал из-за пазухи хлеб и тонко резал его — всем поровну. Во дворе урчала отцовская машина, он заходил всегда только на минуту.

А вскоре и отец пропал. Толя слышал, как соседка рассказывала притихшей бабушке о шофере Константине Максимове — его, Толика, отца.

Через Ладожское озеро проходила дорога на Ленинград. «Дорога жизни» — так ее называли потому, что это был единственный путь, по которому в Ленинград доставлялось продовольствие. Дорого доставалось это продовольствие. Ценою сотен исковерканных машин, тысячу погибших смельчаков-шоферов.

В ту ночь фашистская артиллерия озверела вконец. Снаряды один за другим рвались на Ладоге. И в этом огненном смерче летела вперед машина Максимова.

— Еще немного, еще совсем немного, — стучало в голове.

Взрывные волны сотрясали машину. Стекла полопались от взрывов, и метель била прямо в лицо. — Еще немного, совсем немного...

Внезапно перед глазами выросла черная рваная полоса. Снаряды взорвали ледяную дорогу. Мелькнуло: «Вода!»

Проламывая тонкую кромку льда, машина погрузилась в Ладогу.

На воде не ставят крестов. Но каждому ленинградцу и сегодня известно, что ладожская «дорога жизни» — братское кладбище шоферов...

Толя помнит рассказ соседки от слова до слова. И еще он помнит лицо бабушки — каменное, без слез, лицо. Вскоре и ее не стало. Пошла бабушка за молоком и не вернулась. В доме стало совсем тихо. Мать иногда подзывала сына и жаркими потрескавшими губами просила:

— Пить...

Толя брал санки и ехал за водой. Санки часто переворачивались — все тротуары были разворочены — вода выливалась, и снова тот же путь к колонке. Через три квартала, а в воздухе все летели черные хлопья, превращая день в ночь.

И вот тогда Максимов вдруг понял, что ему уже целых девять лет. И что ему обязательно надо жить. Жить, чтобы спасти маму.

АНАТОЛИЙ Максимов работает в бригаде Николая Рухлина, Максимов — звеньевой, или, как в армии называют, ефрейтор. Двое парней обожают своего «ефрейтора». Они глаз с него не сводят. Вот сейчас они закончили монтировать впрыски — регулирование температуры среды поверхностей нагрева котла. Но это еще не все. Максимов сказал, что сегодня надо успеть отгрохать заборное устройство для контроля пара. «Ефрейтор» на работу злой, как черт. Попробуй,

сделай что-нибудь не так, такую шуточку отколеть, что на блоке неделю прохода не дадут. Только в звене Максимова такого уже давно нет — честь звена Анатолий бережет пуше глаза.

А звено у Максимова — интернациональное. Алеша Султалиев — азербайджанец, Вася Соломонов — одесит, от него на версту Запорожской Сечи пахнет. Что касается звеньевых — родился на берегах Невы — вот и весь рассказ.

Толя Максимов внешне ничем не напоминает Васю Теркина, как его иногда называют на котле. Худощавый парень со спокойными серыми глазами, движения резкие и точные, углубленные смехливые складки. Не от того, что сам много смеется, а от того, что шуток ему — родная сестра.

Освободился Максимов — вокруг него гурьбой монтажники. Сквозь смех голоса рассказчика не услышишь. Номер свой Максимов кончает всегда одной и той же фразой, которую ребята ждут не дожидаясь. Вот он остановился, будто забыл что-то, весь ссутулился, отмахнул рукой воздух и бросил:

— А вообще здоровья-то нет.

Говорят, что он этой своей фразой однажды не на шутку каких-то корреспондентов перепугал. Они ему стали наперебой советовать лечиться. А Толя Максимов тогда и сказал им.

— Лучшее лечение для монтажников — воздух. Залезь повыше — и дыши. Кислород!

Я видел, как Максимов рассказывает. Мало кто замечает, как смешливые черточки у его губ вдруг горькими становятся, и тогда сразу чувствуешь, что за свои тридцать лет этот парень пережил немало. Может именно поэтому монтажникам особенно дорога его шутка. Суровые складки на лице — это крутые жизненные повороты. А еще суровее они становятся, если этот поворот тебе ненадолго остановил.

Второй поворот

Е

СЛИ кто бывал в Ленинграде, тот знает и Неву. А если знает Неву, то видел, конечно, что на обоих ее берегах, прямо напротив друг друга встали заводы-кораблестроители. С чьей бы стороны ни был спущен корабль, «ура» кричат на обоих берегах. Потомственных кораблестроителей водой не разольешь. А что Невы между ними, так это не препятствие — ее перепахнуть можно.

Толя Максимов на Балтийский завод пришел не случайно. Нравился ему корабль. Нравился утром, когда их борта глухо стучались о причал, нравились днем, когда наполовину осевшие в туман они перекликались настойчиво и тревожно. А еще больше манили они его по ночам. Красные, желтые, синие огни плыли по воде, голос кораблей проникал в самое сердце. И сердцем Толя был уже там — у просмоленных бортов, в покачивающихся каютах... Да и какой мальчишка тогда в Ленинграде не мечтал стать моряком.

А вначале ребята, натянув брюки-клеш, поступали учениками на кораблестроительные заводы. И в первое свое плавание корабли

сходили прямо с мальчишеских рук.

...Эх, какой это был день! Солнечный, натянутый как струна, звенящий день. В воду сходил по плавням крейсер «Киров». Внутри него были и детали, надежно сделанные слесарем Максимовым. Толя стоял на берегу в многотысячной рабочей толпе и не сводил глаз с красавца «Кирова». Боевой крейсер вновь на воде. Он еще послужит Родине, как послужил в Отечественную. Дымчатый крейсер уходил вниз по Неве, уходил в Финский залив и на его мачты тихо ложился серебристый солнечный туман. А с обоих берегов кричали «ура» и Максимов кричал вместе со всеми. Он знал, почему так хочется кричать и петь. Это он, Максимов, встал на ноги, это мальчишка-слесарь уходил в свое первое большое плавание.

Нет, не с палета взял Максимов второй поворот.

С

ЕИЧАС Толя Максимов живет в Инском поселке на Беловской ГРЭС. Вокруг степи. И ветры расхаживают по полям, как люди на ходулях. Ветры, конечно, не те. Не европейские. Ветры азиатские, сибирские. Приходят к нему на квартиру голубые конверты с ленинградским штемпелем. Дрогнет рука, разрывая конверт, и взгрустнется. Потому что город-то родной. В этих голубых конвертах максимовское прошлое — его первые повороты.

Но только не поедет Максимов обратно — разве что в гости. Трудно уже и без Сибири. Сибирь — вторая родина монтажника. И строек здесь — непочатый край. На Беловской ГРЭС дел еще немало хватит.

Совсем недавно Толя зашел ко мне домой. Мы долго с ним говорили — и про Ленинград, и про блокаду, говорили о дорогах, которые выбираем. Максимов совсем не шутил, говорил серьезно.

— Дорога людей любит, — говорил Толя.

— Но и ее любить надо.

И тут вдруг выяснилось, что цель его жизни — профессия монтажника пришла как-то со стороны. И вовсе он не ожидал, что станет именно монтажником. А вот как узнать, какая профессия больше всего тебе по душе? Тут-то без дороги и не обойдешься.

Сняться с насиженного места не так легко, сами знаете. Но кому необходимо — тот из родного гнезда вылетит.

— На дорогах больше всего поворотов, — толковал мне Максимов.

Вира!

А

ЕТ ШЕСТЬ назад еще не пели эту песню: «Только самолетом можно долететь...» А туда, куда отправлялся из Ленинграда Максимов, действительно, можно было долететь только самолетом.

Он смотрел в иллюминатор — совсем рядом было солнце, и оно здесь, над облаками, совсем не казалось таким морозным, как на земле. Максимов — геолог. Для того чтобы стать геологом, достаточно было случайно увидеть в «Ленгорсправке» маленькое объявление под рубрикой: «Требуются».

С тех пор прошло полгода, и

вот Максимов-бурильщик летит с геологической партией на золоторазведку в Якутию.

В поселке Усть-Нера зимой почти никого не бывает. Только радисты, ученые да геологи. Рядом с поселком встали палатки. И как по «щучьему велению» с первого же дня стали передвигаться — все дальше и дальше от поселка, пока не скрылись из вида. Золоторазведка уходила в снега. Бурильщи-

кам тяжело достается на шестидесятиградусном морозе. Сжав зубы, позабыв обо всем, налегая Максимов на станок. Космический холод металла презирал рукавицы.

Золото нашли. Было это уже поздней весной, когда чуть тронулись «загаром» снега. Через год Максимов вернулся домой. Но, видно, заразительная вещь — дорога, если не усидел Анатолий на месте. Отдыхался, вновь развернулся плечами и... сделал последний в своей жизни поворот — вышел на прямую.

В темно-зеленом вагоне ехал парень в Караганду. По призыву комсомола. И, конечно, по зову собственного сердца. На строительство металлургического завода. А там и ждала его та самая история, о которой я узнал в самом начале нашего знакомства. С лестничного пролета увидел он девочку, что заботливо «обхаживала» мощные стальные трубы. А через несколько дней встретился с будущей Максимовой на повороте — глаза в глаза. На всю жизнь.

Вокруг полыхали голубые огни сварки, грохотали мостовые краны, парни в поясах и монтажных касках колдовали на металлических конструкциях. И понял Максимов, что заколдовали. Понял, что не уйти ему из этого монтажного царства, какие бы повороты его не ждали. Через несколько дней в монтажных доспехах встал на свое рабочее место, встал под голос, властный и неумолимый, как сама жизнь.

Вира!

Меря!

В № 20 за 8 мая в нашей газете была опубликована статья «О дайте, дайте диктатуру!». где критиковался участок СЭСМ за работу по подземным коммуникациям и железнодорожным путям.

Начальник участка СЭСМ т. Шляев сообщил редакции, что факты, изложенные в статье, имеют место. Статья обсуждалась в коллективе участка, где были намечены мероприятия по улучшению работы.

1. По подземным коммуникациям топливopодачи составлен подробный график сдачи ливневой канализации. Полностью основание ливневой канализации будет закончено 16 мая, обратная засыпка — 18 мая.

2. Работы по теплотрассе и водопроводу к вагоноопрокидывателю закончены. Участку № 6 необходимо срочно уложить блоки теплотрассы и проинвестировать обратную засыпку.

В № 21 за 13 мая газета критиковала начальника орсат. Самарцева за плохое обслуживание трудящихся питанием на главном корпусе.

Зав. торговым отделом орсат. Подъяпольская сообщила редакцию, что буфет на главном корпусе начал работать, но питьевая вода к буфету не подведена до сих пор.